

Сравнительный анализ подходов Л.С. Выготского и Дж. Боулби к развитию ребенка на первом году жизни

С.В. Трушкина

Научный центр психического здоровья (ФГБНУ НЦПЗ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0628-2136>, e-mail: trushkinasv@gmail.com

Цель статьи — соотнести позиции Л.С. Выготского и Дж. Боулби по трем ключевым аспектам психического развития на первом году жизни: характеристикам восприятия у новорожденного ребенка, степени включенности ребенка первых месяцев жизни в социальное взаимодействие и психологическому содержанию связи между младенцем и его матерью. **Метод:** сравнительный анализ. **Результаты.** Обозначено сходство позиций авторов, которое заключается в принятии ими положений о вовлеченности ребенка в систему социальных связей сразу после рождения и об особой роли близкого взрослого в развитии младенца. Рассмотрены различия в содержании понятий «пра-мы» и «привязанность», использованных авторами для описания специфики связи младенца с матерью или заменяющим ее человеком. Показано, что постулат Л.С. Выготского о младенческой беспомощности, помещенный им в основу социальной ситуации развития в этом возрасте, вступает в противоречие со взглядами Дж. Боулби на существование у детей высокоэффективных врожденных форм социального восприятия и поведения. **Выводы.** Различия во взглядах авторов могут объясняться их опорой на разные исследовательские парадигмы — культурно-центрическую в одном случае и эволюционно-центрическую — в другом. Разрабатываемое Л.С. Выготским положение о младенческой беспомощности, не получив дальнейшего эмпирического подтверждения, сохраняет свою теоретическую значимость как одно из направлений поиска качественного своеобразия хода человеческого развития.

Ключевые слова: культурно-историческая теория, теория привязанности, новорожденность, младенческий возраст.

Благодарности. Автор выражает благодарность академику РАО профессору Н.Н. Нечаеву за помощь и поддержку при подготовке материала.

Для цитаты: Трушкина С.В. Сравнительный анализ подходов Л.С. Выготского и Дж. Боулби к развитию ребенка на первом году жизни // Культурно-историческая психология. 2023. Том 19. № 3. С. 39–46. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2023190305>

The Approaches of L.S. Vygotsky and J. Bowlby to Infant Development: the Comparative Analysis

Svetlana V. Trushkina

Mental Health Research Center, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0628-2136>, e-mail: trushkinasv@gmail.com

Aim: correlate the positions of L.S. Vygotsky and J. Bowlby on key aspects of mental development in the first year of life. **Method:** comparative analysis. The characteristics of perception in a newborn child, the degree of inclusion of the child in the first months of life in social interaction and the psychological content of the connection between the infant and his mother are considered. **Results.** The similarity of the positions are indicated, which consist in their acceptance of the provisions on the child inclusion in the system of social relations immediately after birth and on the special role of a close adult in the development of the infant. The differences in the content of the theoretical

construct “great-we” and “attachment” proposed by the authors to understand of the infant-mother connection specifics are considered. It is shown that Vygotsky’s postulate about infantile helplessness, which he placed as the basis of the social situation of development at this age, conflicts with the views of J. Bowlby on the existence of highly effective innate forms of social perception and behavior in children. **Conclusions.** Differences in the views of the authors can be explained by their reliance on different research paradigms — cultural-centric in one case and evolutionary-centric in another. Vygotsky’s idea of infantile helplessness, having received no further empirical confirmation, retains its theoretical significance as one of the directions of the search for qualitative originality of the course of human development.

Keywords: cultural-historical theory, attachment theory, newborn, infancy.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to Professor N.N. Nechaev for his help and support in writing the work.

For citation: Trushkina S.V. The Approaches of L.S. Vygotsky and J. Bowlby to Infant Development: the Comparative Analysis. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2023. Vol. 19, no. 3, pp. 39–46. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2023190305>

Введение

Данная работа представляет собой сравнение двух теоретических подходов к объяснению одного и того же явления — психического развития ребенка в возрасте от рождения до одного года. Несмотря на то, что культурно-историческая концепция и теория привязанности были выдвинуты их авторами еще в первой половине XX века, задача сопоставления их положений сохраняет свою актуальность. Об этом свидетельствует тот факт, что ведущие отечественные психологи, рассматривавшие младенческое развитие сквозь призму культурно-исторической и деятельностной парадигм, не раз возвращались к вопросам о тех специфических аспектах младенческого развития, которые были «схвачены» теорией привязанности [1; 4; 8; 9; 11; 13]. Несомненно, ими ощущалось глубинное сходство обеих теорий, заключавшееся в утверждении определяющей роли социального окружения в развитии младенца. Однако отношение к положениям теории привязанности у разных отечественных авторов могло кардинально различаться — от непримиримой критики в работах М.И. Лисиной [8] до признания принципиальной возможности интеграции обоих подходов в работах Г.В. Бурменской [4]. Систематизированный сравнительный анализ положений культурно-исторической психологии и теории привязанности не проводился. Между тем задачи развития самих культурно-исторического и деятельностного подходов требуют четкого представления о чертах сходства и различия с альтернативными теоретическими подходами, а также выработки собственной позиции по поводу принятия или непринятия их положений [10].

В первой половине XX века Л.С. Выготский и Дж. Боулби не были ни первыми, ни единственными, ни наиболее известными исследователями развития детей на первом году жизни. Уже существовали фундаментальные труды представителей психоанализа, рефлексологической школы, когнитивистского и других направлений, предложивших свои концеп-

ции для объяснения развития детей в младенческом возрасте. Влияние их идей и опора на приводимые в этих работах данные четко прослеживаются в рассуждениях как Л.С. Выготского, так и Дж. Боулби. Однако авторы развивали эти идеи в разных, подчас диаметрально противоположных, направлениях и выстраивали свои концепции на основе очень разных выводов и обобщений. Наиболее принципиальными и одновременно дискуссионными в работах Л.С. Выготского и Дж. Боулби выглядят вопросы, относящиеся к следующим областям:

- 1) объему и избирательности восприятия у ребенка в период новорожденности;
- 2) степени и характеру включенности ребенка в социальное взаимодействие на протяжении первых месяцев жизни;
- 3) происхождению и психологическому наполнению особой связи младенца с матерью или заменяющим ее взрослым на первом году жизни ребенка.

Структура предлагаемого сравнительного анализа определена этими тремя областями, и ниже содержится подробный разбор позиций авторов по каждой из них.

Функция восприятия у новорожденного

Ко времени написания Л.С. Выготским главы о младенческом возрасте экспериментальных исследований в этой области было сравнительно мало, и относились они преимущественно к областям медицины, физиологии, рефлексологии, а не экспериментальной психологии. В трудах Л.С. Выготского ребенок в возрасте от рождения до одного-двух месяцев предстает как замкнутое в себе, безусловно-рефлекторное существо, высшая нервная деятельность которого лишь зарождается и будет осуществляться в полной мере еще не скоро. Автор считает, что восприятию новорожденного открыты лишь внутренние самоощущения, влечения и инстинкты, в то время как внешний мир ему пока недоступен. Он пишет: «Мы склонны думать, что

в первый месяц для ребенка не существует ни кто-то, ни что-то, что он, скорее, все раздражения и все окружающее переживает только как субъективное состояние» [5, с. 277]. Следует заметить, что, полемизируя с психоаналитическими представлениями о свойственном ребенку на первом году жизни состоянии солипсизма и противопоставляя им свое видение младенца как максимально социального существа, в отношении новорожденного Л.С. Выготский во многом воспроизводит картину младенческого солипсизма. Тем не менее, наличие психической жизни у ребенка он признает с момента рождения. Имея своим физиологическим субстратом не высшие отделы мозга (как в более поздних периодах), а подкорковые центры, психика новорожденного проявляется в выразительных движениях, интонированных криках, а также неясных состояниях сознания и недифференцированных переживаниях ситуаций.

Признание у новорожденного особого типа восприятия окружающей действительности — недифференцированного, не разделенного на объекты, — является одной из ярких черт теоретической позиции Л.С. Выготского. Отправной точкой для такого заключения послужили факты, установленные К. Коффкой в русле гештальт-психологических исследований. Они показывали, что ребенок первых месяцев жизни начинает выделять из общего фона сложные целостные объекты раньше, чем их отдельные элементы. Расширив трактовку эмпирических данных, Л.С. Выготский делает вывод о существовании принципиальных отличий сознания и восприятия у новорожденного ребенка: «Первоначальные восприятия ребенка представляют нерасчлененное впечатление от ситуации в целом, где не только не расчленены отдельные объективные моменты ситуации, но не дифференцированы еще элементы восприятия и чувства» [там же, с. 277–278].

Дж. Боулби придерживался диаметрально противоположной точки зрения. Опираясь на более широкую базу экспериментальных данных, он утверждает, что «...уже при рождении или вскоре после него у ребенка вступают в действие все сенсорные системы» [3, с. 200], что новорожденный способен различать широкий круг стимулов, обладает тонкой чувствительностью к ним и достаточно широким диапазоном поведенческих ответов. Более того, результаты наблюдений и экспериментов свидетельствовали о существовании у новорожденных явных сенсорных предпочтений и избирательности ответных реакций: «На одни компоненты внешней среды ребенок обращает больше внимания, чем на другие» [там же]. Разрабатывая теорию привязанности как одну из областей более общей теории управляющих систем в биологии, Дж. Боулби придает огромное значение действию механизмов обратной связи. Он показывает, как уже с первых дней жизни механизмы подкрепления и угашения вступают в действие и организуют поведение ребенка [3].

Расхождения во взглядах двух ученых впечатляют своим размахом. Л.С. Выготский описывает новорожденного как полностью погруженного в себя и

не способного выделить из общей картины внешнего мира отдельные объекты и их свойства. В работах Дж. Боулби ребенок с момента рождения предстает открытым ощущениям, восприятию и влиянию всех стимулов из внешнего мира, а также избирательно реагирующим на них. Л.С. Выготский пишет об ограниченности поведенческих проявлений новорожденного безусловными рефлексом, тогда как, согласно взглядам Дж. Боулби, ребенок с первых дней жизни способен к изменению и регуляции своего поведения в соответствии с характером внешних воздействий и через механизмы обратной связи.

Включенность новорожденного и младенца в социальное взаимодействие

Признавая включенность в социальные отношения важнейшим фактором психического развития ребенка, и Л.С. Выготский, и Дж. Боулби не могли обойти вниманием вопрос о том, рождается ли человек с потребностью в социальных связях или она формируется прижизненно. Этот вопрос носит фундаментальный характер, поскольку затрагивает проблему природы человека. Культурно-историческая теория и теория привязанности дают на него разные ответы.

Л.С. Выготский из тезиса о недифференцированном восприятии у новорожденного выводит логическое следствие: ребенок в этот период не имеет возможности различать физические и социальные объекты. Говоря другими словами, в первое время после появления на свет ребенок не способен отличить человека от предметов и не реагирует на людей иначе, чем на предметы. Кроме того, по мнению автора, новорожденный не понимает, что с ним кто-то взаимодействует, так как он и самого себя не выделяет из переживания целостной ситуации. Л.С. Выготский утверждает, что поведение новорожденного характеризуется полным отсутствием каких-либо социальных проявлений: «Новорожденный, как легко понять, не обнаруживает никаких специфических форм социального поведения» [5, с. 278]. Опираясь на позиции современных ему исследователей младенчества, он полагает, что социальные реакции и направленная на другого человека активность появляются значительно позже: «О социальных впечатлениях и реакциях можно с некоторой уверенностью впервые говорить применительно к периоду между 2-м и 3-м мес., т. е. за пределами периода новорожденности. В этот же период социальность ребенка характеризуется полной пассивностью. Как и в его поведении, так и в его сознании нельзя еще отметить ничего, что говорило бы о социальном переживании как таковом» [там же]. Такое представление в целом сохраняется и у его последователей [7; 8; 14; 17]. Так, А.Н. Леонтьев писал: «Первоначально отношение к миру вещей и к окружающим людям слиты для ребенка между собой, но дальше происходит их раздвоение, и они образуют разные, хотя и взаимосвязанные, переходящие друг в друга линии развития» [7, с. 215]. М.И. Лисина, разрабатывая проблемы он-

тогенеза общения, придерживается той же позиции: «Наша точка зрения состоит в утверждении целиком прижизненного формирования потребности детей в общении с окружающими людьми» [8, с. 44].

Позже, вступая в период младенчества, ребенок все больше отзывается на «...созданный взрослыми мир...» [5, с. 300], и у него появляется значительное число форм социального поведения и связанных с ним эмоций. В его поведении появляются признаки «...бесспорно показывающие, что уже в младенческом возрасте ребенок отличает людей от вещей» [там же, с. 316–317]. На первой стадии развития социальности ребенок способен лишь воспринимать инициативу взрослого и реагировать на нее, и лишь во втором полугодии у него появляются потребность в общении и активность в социальных контактах. В достижении своих целей он открывает для себя «...самый обычный и естественный путь через другого человека» [там же, с. 302]. Взрослый постепенно становится для ребенка центром воспринимаемой ситуации, и «...смысл всякой ситуации для младенца определяется в первую очередь этим центром» [там же]. Вся собственная активность ребенка и его отношение к явлениям окружающей действительности определяются его связью со взрослым, а сам младенец уже представляется максимально социальным существом.

Таким образом, в представлениях Л.С. Выготского социальное восприятие и социально-ориентированное поведение ребенка на первом году жизни претерпевают кардинальные изменения — от их полного отсутствия в период новорожденности до максимальной выраженности в младенческий период. Этот переход не является скачкообразным. По мнению автора, на протяжении всего первого года «...своеобразие младенческой социальности сказывается в первую очередь в том, что социальное общение ребенка не выделилось еще из всего процесса его общения с внешним миром, с вещами и процессом удовлетворения его жизненных потребностей» [там же]. Важнейшим с точки зрения дальнейших теоретических построений Л.С. Выготского, по нашему мнению, является постулат о «младенческой беспомощности». Именно она определяет для младенца невозможность удовлетворять свои потребности и взаимодействовать с миром иначе, чем через посредничество взрослого, и именно она направляет его развитие по пути коммуникации и интериоризации, т. е. заставляет прибегать к развитию речи и присвоению элементов человеческой культуры.

Дж. Боулби открывает цепь своих рассуждений по поводу социальности младенцев решительным заявлением: «Новорожденный ребенок — далеко не *tabula rasa*» [3, с. 197]. Он утверждает, что готовность новорожденного реагировать на социальные раздражители и включаться в социальное взаимодействие чрезвычайно высока; что «...с самого начала имеется заметная предрасположенность отвечать определенным образом на некоторые виды стимулов, обычно связанные с человеком: слуховые, исходящие от звуков голоса, зрительные — от лица, тактильные и ки-

нететические — от рук и тела» [там же, с. 198]; что «...такого рода дифференцированные реакции проявляются уже в течение первых суток после рождения» [там же, с. 204]. Он развивает мысль о том, что ребенок при рождении обладает целым набором готовых форм поведения, адресованного другому человеку — плач, не связанное с кормлением сосание, слежение глазами, хватание и цепляние, голосовые проявления и т. д.

То, что у ребенка с первых дней жизни имеются готовые формы поведения, направленные на человека, имеет, по мнению Дж. Боулби, вполне определенный, эволюционно оправданный смысл. Задача такого поведения — оказывать влияние на взрослого, что «...вероятно, увеличивает время, которое младенец находится в непосредственной близости к этому человеку...» [там же], увеличивая этим свои шансы на выживание, достижение комфорта и успешное развитие. Именно поэтому, по мнению автора, ребенок от рождения «...не только обладает рядом систем управления поведением, готовых к активации, но, кроме того, каждая такая система уже определенным образом настроена: она активизируется стимулами из одного широкого диапазона (или нескольких диапазонов), прекращается стимулами из другого широкого диапазона и усиливается или ослабляется стимулами из третьего» [там же, с. 197]. Первые сигналы ребенка не адресованы конкретному лицу, но они подаются им в соответствии с эволюционно заложенным ожиданием того, что вокруг есть люди, для которых они предназначены.

Таким образом, по вопросам о социальных потребностях и возможностях новорожденного и младенца прослеживается ряд принципиальных различий. Л.С. Выготский не признает у ребенка сразу и вскоре после рождения ни способности выделять людей из окружающей обстановки, ни активного стремления к социальным взаимодействиям, ни специальных форм поведения, направленных на него. Возникновение внимания и интереса к человеку Л.С. Выготский относит к возрасту двух-трех месяцев, активности в контактах с ним — ко второму полугодью. Автор теории привязанности, напротив, придерживается точки зрения на изначальное, врожденное стремление детей к социальным контактам, эволюционно обеспеченное способностью выделять людей из общего фона, потребностью в активном достижении и сохранении близости к ним, а также готовыми формами социального поведения.

Природа связи младенца с близким взрослым

Как в культурно-исторической психологии, так и в теории привязанности среди всего социального окружения новорожденного и младенца выделяется самый близкий ему человек, которым, как правило, оказывается мать ребенка. При этом каждая из теорий предлагает свое видение происхождения и содержания этих отношений, а также свой понятийный аппарат для описания его феноменологии и понимания значения. Л.С. Выготский пользуется терми-

ном «пра-мы», предложенным ранее Ш. Бюлер; Дж. Боулби вводит понятие «привязанность». Их содержательное наполнение и концептуальная направленность сильно различаются.

«Первое, что возникает в сознании младенца, может быть названо ближе и точнее всего, как «Ur-wir», т. е. «пра-мы» [5, с. 305], — пишет Л.С. Выготский. Для понятия «пра-мы» Л.С. Выготский, по-видимому, не имел строгого определения, он придавал ему, скорее, описательный или даже метафорический смысл. Однако из приведенной цитаты ясно следует, что психологическую структуру «пра-мы» автор относит к ментальной, а не поведенческой области. «Пра-мы», считает он, возникает как первый и генетически исходный тип детского сознания и самосознания. Ребенок «...первоначально знает только своего рода «мы», внутри которого «я» и другой образуют единую связную структуру...» [там же, с. 309].

По вопросу о происхождении материнско-младенческой связи Л.С. Выготский в целом разделял господствовавшую в те годы точку зрения психоаналитической школы, согласно которой социальные потребности младенца считались вторичными и возникающими на основе удовлетворения взрослым более ранних органических потребностей. Он писал: «Мы можем вполне уверенно утверждать: положительный интерес к человеку вызывается тем, что все потребности ребенка удовлетворяются взрослым» [там же, с. 301]. Несмотря на признание исключительной роли матери как неотъемлемой части «пра-мы» ребенка, тема содержания материнско-младенческой связи Л.С. Выготским не разрабатывалась. Он обозначил свою позицию по этому вопросу в самом общем виде: «...отношение ребенка к миру является зависимой и производной величиной от самых непосредственных и конкретных его отношений к взрослому человеку» [там же, с. 302]. По мнению Е.О. Смирновой, в работах Выготского взрослый выступает как «...абстрактный и формальный носитель знаков, сенсорных эталонов, интеллектуальных операций, правил поведения, т. е. как посредник между ребенком и культурой, но не как живой конкретный человек» [14, с. 77].

Как известно, М.И. Лисина впоследствии пересмотрела положение Л.С. Выготского о феномене «пра-мы» [8; 14]. В экспериментальных исследованиях «лисинской школы» было показано, что в процессе общения с матерью младенец является ее активным партнером: он обращается к матери, привлекает ее внимание, отвечает ей. Был сделан вывод, что такое поведение возможно лишь при ощущении ребенком своей психологической отделенности от партнера по общению и переживании им собственной субъектности, а не слитости с матерью, как полагал Л.С. Выготский [1; 6; 8].

Научно-психологические взгляды Дж. Боулби формировались изначально в психоаналитической среде, однако он объяснял природу связи младенца с матерью совершенно иначе, нежели в психоанализе, а именно — с позиций этологического подхода, который впоследствии составил основу разработанной им

теории привязанности. Он пишет: «Сосредоточение на пищевом подкреплении привело исследователей к двум негативным последствиям: спекулятивному теоретизированию, конечно же, ошибочному, а также к игнорированию до недавнего времени других видов подкрепления, в том числе таких, которые, вероятно, в развитии социальной привязанности играют значительно большую роль, чем пища» [3, с. 201]. Таким «другим» видом подкрепления Боулби считает само общение ребенка со взрослым. Аргументами послужили результаты экспериментальных работ и наблюдения за маленькими детьми, разлученными с матерями. Последние показали, что при хорошем уходе и кормлении, но без полноценных контактов с матерями дети пребывают в подавленном состоянии, отстают в физическом, интеллектуальном и речевом развитии, значительно чаще болеют и умирают [9; 12; 19].

Идеи психоанализа, тем не менее, четко прослеживаются в теоретических построениях Дж. Боулби. Это относится, прежде всего, к конструкту базальной тревоги, которая, согласно психоаналитическим представлениям, является неизбежным последствием родовой травмы и пронизывает всю психическую жизнь ребенка и его отношение к окружающему миру. Именно мотив избегания тревоги лежит в основе появления «поведения привязанности», т. е. стремления ребенка держаться как можно ближе к «своему» взрослому, удерживать эту близость и сопротивляться ее разрыву всеми доступными способами [3]. Другим психоаналитическим построением, оказавшим сильное влияние на теорию привязанности, стало понятие об объектных отношениях. Образ «первичного объекта» складывается и прочно закрепляется в ментальном мире ребенка, и его замена на другого взрослого невозможна без психической травматизации [15].

Таким образом, в обоих подходах признается, что в первые месяцы жизни ребенок выделяет среди окружающих людей конкретного человека, к которому у него формируется особое отношение. Однако происхождение такого отношения трактуется по-разному. Л.С. Выготский выводит эту связь из факта удовлетворения взрослым органических потребностей ребенка. Теория привязанности видит ее источник во врожденном стремлении ребенка к социальным контактам, дополненном эмоциональным механизмом тревоги в ситуациях стресса и проявляющимся в форме «поведения привязанности».

Результаты и обсуждение

Проведенный сравнительный анализ представлений Л.С. Выготского и Дж. Боулби о психическом развитии ребенка на первом году жизни обозначил как моменты их сходства, так и расхождение по ряду принципиальных вопросов. Общими являются положения о включенности ребенка в систему социальных связей сразу после рождения и об особом характере отношений младенца с близким взрослым. Различия во взглядах авторов имеют широкий размах и могут

объясняться опорой на разные исследовательские парадигмы — культурно-центрическую в одном случае и эволюционно-центрическую — в другом.

В представлениях Л.С. Выготского родившийся ребенок погружен в мир своих внутренних ощущений, лишен интереса к внешнему миру, полностью пассивен и воспринимает действительность в виде недифференцированной картины. Дж. Боулби придерживается убеждения, что ребенок сразу же после рождения воспринимает и различает все объекты внешнего мира и сенсорные стимулы, а также проявляет избирательность по отношению к ним. Л.С. Выготский выводит появление интереса к взрослому из факта удовлетворения им физических потребностей младенца, Дж. Боулби настаивает на существовании врожденной социальной потребности, не сводимой к иным нуждам ребенка. Л.С. Выготский разрабатывает теоретическое представление о младенческой беспомощности, помещая его в основу социальной ситуации развития в этом возрасте. Именно беспомощность в сочетании с невозможностью сигнализировать взрослому о своих нуждах из-за отсутствия речевых форм общения создают основное диалектическое противоречие возраста. Дальнейшее развитие ребенка с неизбежностью направляется в сторону разрешения этого противоречия — через формирование речи к знаковой опосредованности, интериоризации и становлению высших психических функций.

Для описания особой связи младенца с матерью (или замещающим ее взрослым) авторами используются понятия «пра-мы» и «привязанность». Первый относится к ментальной сфере ребенка и отражает его субъективное переживание неразделенности с матерью, являясь ступенью в становлении сознания, самосознания и субъектности. Второй имеет отношение к области адаптивного поведения, заложенного эволюционно. Он включает в себя врожденные и прижизненно формирующиеся специфические формы поведения, направленные на достижение ребенком близости к взрослому с целью получения от него защиты и заботы. Привязанность ребенка строго индивидуализирована. Замена ухаживающего взрослого воспринимается ребенком как утрата своей «фигуры привязанности» и становится для него источником страданий и психической травматизации. В теоретических построениях Л.С. Выготского мать выступает как источник культурного опыта и транслятор культурно заданных образцов поведения, а тема ее индивидуализированности и незаменимости не поднимается.

Во второй половине XX века в многочисленных экспериментально-психологических исследованиях

было установлено, что новорожденные и младенцы обладают широкими возможностями невербального самовыражения, как правило обеспечивающими им надежное понимание и адекватное реагирование взрослых [22]. Современные специалисты располагают данными о том, что на первом году жизни дети способны к совместному вниманию [18], социальному познанию [21; 25], построению интермодальных образов [2], эмоциональной саморегуляции [28], изменению поведения в соответствии с полученным ранее опытом [18; 23]. Было показано, что младенцы могут переживать, выражать и регулировать широкий спектр эмоций [24; 28; 29], активно исследовать свое окружение и обучаться [2; 6; 29], общаться и строить близкие отношения [9; 12]. Большинство положений теории привязанности эмпирически подтвердились, а сама теория продолжает активно развиваться [20; 23; 26; 27].

При этом теория привязанности не охватывает целый пласт важнейших феноменов детского развития. Дж. Боулби признавал: «Наименее изученной стадией человеческого развития остается та, на которой ребенок приобретает все свои специфически человеческие качества. Здесь перед нами открывается целый континент, который еще только предстоит завоевать» [3, с. 399]. Этот «континент» и до сих пор во многом остается загадочным. Так, А.Б. Холмогорова высказывает точку зрения, что несмотря на расцвет современных нейронаук, они представляют собой очередную форму биологического редукционизма в психологии, на этот раз — в области социальных отношений и социального познания, и ведут, в конечном счете, к нивелированию качественных различий между животными и человеком [16].

В этом свете теоретические построения Л.С. Выготского, основанные на гипотезе о младенческой беспомощности, могут быть рассмотрены как поиск решения этой задачи. Выдвижение постулата о младенческой беспомощности как об отправной точке развития позволило ему теоретически обосновать принципиальную «инакость» хода человеческого развития. Полная зависимость младенца от взрослого в сочетании с невозможностью сообщать о потребностях определяют для младенца этот путь — через формирование речи к понятийному мышлению и широкому присвоению элементов культуры. Данная конструкция выступает как логически непротиворечивая и впечатляет глубиной замысла. Не получив прямого эмпирического подтверждения, она, тем не менее, не потеряла своей теоретической значимости и актуальности.

Литература

1. Авдеева Н.Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 2. С. 7–14. DOI:10.17759/jmfp.2017060201
2. Бауэр Т. Психическое развитие младенца. М.: Педагогика, 1991. 160 с.

References

1. Avdeeva N.N. Child-Parent Relationship Therapy: Child-Parent Interaction Therapy of Sheila Eyberg (on foreign sources). *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 2017. Vol. 6, no. 2, pp. 7–14. DOI:10.17759/jmfp.2017060201. (In Russ.).

3. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 477 с.
4. Бурменская Г.В. Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития // Вестник московского университета. 2009. № 4. С. 17–31.
5. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
6. Диагностика психического развития детей от рождения до трех лет / Е.О. Смирнова [и др.]. СПб.: Детство-Пресс, 2005. 144 с.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность: учеб. пособие. М.: Смысл; Изд. центр «Академия», 2005. 352 с.
8. Лисина М.И. Формирование личности ребенка в общении. СПб.: Питер, 2009. 320 с.
9. Мухамедрахимов Р.Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие. СПб.: Речь, 2003. 288 с.
10. Нечаев Н.Н. О возможности реинтеграции культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и теории деятельности А.Н. Леонтьева // Вопросы психологии. 2018. № 2. С. 3–18.
11. Нечаев Н.Н. «Двойственность» совместной деятельности как основа становления психологических новообразований: пути развития деятельностного подхода // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 3. С. 27–37. DOI:10.17759/chp.2020160304
12. Ранние отношения и развитие ребенка / Б. Борьесон [и др.]. СПб.: Питер, 2009. 160 с.
13. Смирнова Е.О. Теория привязанности: концепция и эксперимент // Вопросы психологии. 1995. № 3. С. 139–151.
14. Смирнова Е.О. Проблема общения ребенка и взрослого в работах Л.С. Выготского и М.И. Лисиной // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 76–87.
15. Тайсон Ф., Тайсон Р.Л. Психоаналитические теории развития. М.: Когито-центр, 2006. 610 с.
16. Холмогорова А.Б. Роль идей Л.С. Выготского для становления парадигмы социального познания в современной психологии: обзор зарубежных исследований и обсуждение перспектив // Культурно-историческая психология. 2015. Том 11. № 3. С. 25–43. DOI:10.17759/chp.2015110304
17. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.
18. Addabbo M., Licht V., Turati Ch. Past and present experiences with maternal touch affect infants' attention toward emotional faces // *Infant Behavior and Development*. 2021. Vol. 63. P. 101558. DOI:10.1016/j.infbeh.2021.101558
19. Ainsworth M.D.S., et al. Patterns of attachment: A Psychological Study of the Strange Situation. New York: Psychology Press, 2015. 466 p.
20. Cassidy J., Jones J.D., Shaver P.R. Contributions of attachment theory and research: a framework for future research, translation, and policy // *Development and Psychopathology*. 2013. Vol. 25. P. 1415–1434. DOI:10.1017/s0954579413000692
21. Evans D.W., Marsh H.L. A brief introduction to early forms of non-verbal social cognition // *Infant Behavior & Development*. 2017. Vol. 48. Part A. P. 2–4. DOI:10.1016/j.infbeh.2016.11.012
22. Handbook of attachment: theory, research, and clinical applications / J. Cassidy, Ph.R. Shaver (Eds.). New York: Guilford Press, 2008. 1020 p.
23. Keller H. Universality claim of attachment theory: Children's socioemotional development across cultures // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2007. Vol. 104. P. 10155–10160. DOI:10.1073/pnas.0610155104
2. Bower T. Psichicheskoe razvitiye mladenca [Development in infancy]. Moscow: Pedagogika, 1991. 160 p. (In Russ.).
3. Bowlby J. Privyazannost' [Attachment]. Moscow: Gardariki, 2003. 477 p. (In Russ.).
4. Burmenskaya G.V. Privyazannost' rebenka k materi kak osnovanie tipologii razvitiya [Attachment of the child to the mother as the basis for the typology of development]. *Vestnik moskovskogo universiteta [Moscow University Bulletin]*, 2009, no. 4, pp. 17–32. (In Russ.).
5. Vygotskij L.S. Mladencheskij vozrast [Infant age]. In *Sobranie sochinenii: V 6 t. [Collected works: In 6 vols.]*. Vol. 4. Moscow: Pedagogika, 1984, pp. 269-317. (In Russ.).
6. Smirnova E.O. [i dr.] Diagnostika psikhicheskogo razvitiya detei ot rozhdeniya do trekh let [Diagnostics of the mental development of children from birth to three years]. Sankt-Peterburg: Detstvo-Press, 2005. 144 p.
7. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost': uchebnoe posobie [Activity. Consciousness. Personality: a study guide]. Moscow: Smysl: Akademiya, 2005. 352 p. (In Russ.).
8. Lisina M.I. Formirovanie lichnosti rebenka v obshchenii [Formation of the child's personality in communication]. Saint-Petersburg: Piter, 2009. 320 p. (In Russ.).
9. Muhamedrahimov R.J. Mat' i mladenec: psikhologicheskoe vzaimodejstvie [Mother and baby: psychological interaction]. Saint-Petersburg: Publ. S.-Peterb. un-ta, 2001. 288 p. (In Russ.).
10. Nechaev N.N. O vozmozhnosti reintegratsii kul'turno-istoricheskoi psikhologii L.S. Vygotskogo i teorii deyatel'nosti A.N. Leont'eva [On the possibility of reintegration of cultural-historical psychology L.S. Vygotsky and the theory of activity of A.N. Leontief]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2018, no. 2, pp. 3–18. (In Russ.).
11. Nechaev N. N. The «Ambivalence» of Joint Activity as the Basis of the Emergence of Psychological Neoformations: Ways of Developing the Activity Approach. [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2020, Vol. 16, no. 3, pp. 27–37. DOI:10.17759/chp.2020160304
12. Bor'eson B. [i dr.]. Rannie otnosheniya i razvitiye rebenka [Early relationships and child development]. Sankt-Peterburg: Piter, 2009. 160 p. (In Russ.).
13. Smirnova E.O. Teoriya privyazannosti: kontseptsiya i eksperiment [Attachment Theory: Concept and Experiment]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 1995, no. 3, pp. 139–151. (In Russ.).
14. Smirnova E.O. Problema obshcheniya rebenka i vzroslogo v rabotakh L.S. Vygotskogo i M.I. Lisinoy [The problem of communication between a child and an adult in the works of L.S. Vygotsky and M.I. Lisina]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 1996, no. 6, pp. 76–87. (In Russ.).
15. Tyson Ph., Tyson R.L. Psikhooanaliticheskie teorii razvitiya [Psychoanalytic theories of development]. Moscow: Kogito-tsentr, 2006. 610 p. (In Russ.).
16. Kholmogorova A.B. The Role of L.S. Vygotsky's Ideas in the Development of Social Cognition Paradigm in Modern Psychology: A Review of Foreign Research and Discussion on Perspectives. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2015, Vol. 11, no. 3, pp. 25–43. DOI:10.17759/chp.2015110304. (In Russ.).
17. El'konin D.B. K probleme periodizatsii psikhicheskogo razvitiya v detskom vozraste [On the problem of periodization of mental development in childhood]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 1971, no. 4, pp. 6–20. (In Russ.).
18. Addabbo M., Licht V., Turati Ch. Past and present experiences with maternal touch affect infants' attention toward emotional faces. *Infant Behavior and Development*, 2021. Vol. 63. P. 101558. DOI:10.1016/j.infbeh.2021.101558

- States of America. 2018. Vol. 115(45). P. 11414–11419. DOI:10.1073/pnas.1720325115
24. Landers M.S., Sullivan R.M. The development and neurobiology of infant attachment and fear // *Developmental Neuroscience*. 2012. Vol. 34(2-3). P. 101–14. DOI:10.1159/000336732
25. Quadrelli E., et al. Social context influences infants' ability to extract statistical information from a sequence of gestures // *Infant Behavior and Development*. 2020. Vol. 61. P. 101506 DOI:10.1016/j.infbeh.2020.101506
26. The Cultural Nature of Attachment: Contextualizing Relationships and Development / H. Keller, K.A. Bard (Eds.). Cambridge: The MIT Press, 2017. 448 p.
27. Thompson R.A. Twenty-first century attachment theory. Challenges and opportunities. *Contextualizing Attachment // The Cultural Nature of Attachment / H. Keller, K.A. Bard (Eds.)*. Cambridge: The MIT Press, 2017. P. 301–321.
28. Volling B. Parents' emotional availability and infant emotional competence: Predictors of parent-infant attachment and emerging self-regulation // *Journal of Family Psychology*. 2002. Vol. 164(4). P. 447–465. DOI:10.1037/0893-3200.16.4.447
29. ZERO TO THREE. DC:0-5™: Diagnostic classification of mental health and developmental disorders of infancy and early childhood (Version 2.0). Washington: Author, 2021. 456 p.
19. Ainsworth M.D.S., et al. Patterns of attachment: A Psychological Study of the Strange Situation. New York: Psychology Press, 2015. 466 p.
20. Cassidy J., Shaver Ph.R. (Eds.). Handbook of attachment: theory, research, and clinical applications. New York: Guilford Press, 2008. 1020 p.
21. Cassidy J., Jones J.D., Shaver P.R. Contributions of attachment theory and research: a framework for future research, translation, and policy. *Development and Psychopathology*, 2013. Vol. 25, pp. 1415–1434. DOI:10.1017/s0954579413000692
22. Evans D.W., Marsh H.L. A brief introduction to early forms of non-verbal social cognition. *Infant Behavior & Development*, 2017. Vol. 48. Part A, pp. 2-4. DOI:10.1016/j.infbeh.2016.11.012
23. Keller H. Universality claim of attachment theory: Children's socioemotional development across cultures. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2018. Vol. 115 (45), pp. 11414-11419. DOI:10.1073/pnas.1720325115
24. Keller H., Bard K. A. (Eds.). *The Cultural Nature of Attachment: Contextualizing Relationships and Development*. Cambridge: The MIT Press, 2017. 448 p.
25. Landers M.S., Sullivan R.M. The development and neurobiology of infant attachment and fear. *Developmental Neuroscience*, 2012. Vol. 34 (2–3), pp. 101–14. DOI:10.1159/000336732
26. Quadrelli E., et al. Social context influences infants' ability to extract statistical information from a sequence of gestures. *Infant Behavior and Development*, 2020. Vol. 61, 101506. DOI:10.1016/j.infbeh.2020.101506
27. Thompson R.A. Twenty-first century attachment theory. Challenges and opportunities. *Contextualizing Attachment*. In: *The Cultural Nature of Attachment*. Cambridge: The MIT Press, 2017, pp. 301–321.
28. Volling B. Parents' emotional availability and infant emotional competence: Predictors of parent-infant attachment and emerging self-regulation. *Journal of Family Psychology*, 2002. Vol. 164 (4), pp. 447–465. DOI:10.1037/0893-3200.16.4.447
29. ZERO TO THREE. DC:0-5™: Diagnostic classification of mental health and developmental disorders of infancy and early childhood (Version 2.0). Washington: Author, 2021. 456 p.

Информация об авторах

Трушкина Светлана Валерьевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник отдела медицинской психологии, Научный центр психического здоровья (ФГБНУ НЦПЗ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0628-2136>, e-mail: trushkinasv@gmail.com

Information about the authors

Svetlana V. Trushkina, PhD in Psychology, Leading Research Associate, Mental Health Research Center, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0628-2136>, e-mail: trushkinasv@gmail.com

Получена 29.07.2023

Принята в печать 25.09.2023

Received 29.07.2023

Accepted 25.09.2023